

О самом главном — фильмы Ивана Вырыпаева

Совершенно случайно на книжных развалах попалась мне маленькая, в тёмной обложке книга. Я открыла её наугад:

«А моя мама один раз спросила меня:

— Что же для тебя самое главное, сын? — А для тебя? — переспросил я.

— Ты, — не думая, сказала мать.

— И для меня Я, — ответил я».

Дальше я протянула продавцу смятую сторублёвую бумажку, не отрываясь от текста. Так началось моё знакомство с творчеством Ивана Вырыпаева: «Тринадцать текстов, написанных осенью». Коротенькие строчки захватывали, манили. Энергетика от них исходила нереальная, такая, от которой впадаешь в эйфорию, тянешься за каждым словом... и тебе этих слов мало. Так жалко, что заканчивается книга меньше чем за час чтения.

"А правило письма гласит: «Предложение состоит из слов, слова из букв, буквы из звуков, звуки из голоса, голос из человека, человек из глины, глина из бога, бог — ОДИН БОГ ЗНАЕТ, ИЗ ЧЕГО ОН СОСТОИТ»".

И вот на Одиннадцатом тексте я встречаю пьесу «Кислород» (написана в 2003 году). Признаться, тогда я и подумать не могла, что такое можно поставить на сцене и тем более снять фильм (снят в 2008 году). Хотя сложно такое называть пьесой в классическом школьном понимании. Текст представляет собой десять композиций, а они в свою очередь состоят из куплетов и припевов. Исполнители ролей — Он и Она — поочередно читают этот текст. Когда я увидела фильм — по меньшей мере странный для привычного восприятия — была поражена. Показывала потом своим друзьям, они тоже удивлялись, «подсаживались» на кислород — особенное состояние, любовь к жизни, если пытаться глубже вникнуть в текст. В общем, пару лет назад со всеми нами случилось «кислородное отравление, потому что, кислородное отравление случается с теми, у кого было кислородное голодание».

«И кислородное голодание, случается с теми, кто много лет дышал воздухом мало насыщенным кислородом. Кто дышал женщинами, пахнущими потом или дешевыми духами, вместо детского мыла, поскольку, если нет у тебя денег на дорогие духи, то на детское мыло и на шампунь из крапивы всегда можно насобирать. И если нет у тебя дорогого платья, то сарафан из цветов всегда можно сшить самой. И если ты следуешь моде из журналов и не знаешь, что мода это то, что отражает твой внутренний мир, то не духи, не мыло, не сарафан из цветов, не насытят воздух кислородом, и у любого мужчины рядом с тобой обязательно наступит кислородное голодание. А Саша вся была сплошной кислород»...

История любви девушки Саши из большого города и парня Саши из провинциального Серпухова рассказывается нам на протяжении этих композиций. В фильме происходит смешение реальностей, актёры то повествуют в микрофон о Саше и Саше под музыку, то принимают спорить между собой, говорить о себе. «Проблема в том, что ты не умеешь любить людей», — говорит девушка, и кажется, что актриса в роли Неё, Каролина Грушка предъявляет обвинение напрямую Алексею Филимонову, который играет Его.

Кадр из фильма «Кислород»

В интервью на телеканале «Дождь» Иван Вырыпаев сказал: «В наше время не важно, что мы говорим, важно — как». На самом деле в фильме ничего не происходит. Никакого действия. Одни слова. Сюжет: Саша и Саша полюбили друг друга и умерли от наркотиков. Но внутреннее действие — поиск главного — продолжается на протяжении всего фильма. Каждая композиция начинается цитатой из Библии и её перефразировкой, попыткой осмысления.

«Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду? А я знал одного человека, у которого был очень плохой слух. Он не слышал, когда говорили: «не убей»; быть может потому, что он был в плеере. Он не слышал «не убей», он взял лопату, пошел в огород и убил».

В фильме происходит переосмысление «безумной любви», которой можно оправдать «безумную ненависть», разговор о воинствующем исламе и христианстве, а заканчивается фильм Гаяти-мантрой (это индийское священное пение, которое используется для направления мыслей в сторону обретения мудрости).

После разговора о всяческих пороках современного общества: от терроризма до рассуждения о том, что лучше — курить траву или валяться пьяным у телевизора; размышления о том, кто лучше — московские блохи, которые ведут свою родословную от собаки Павлова или провинциальные, «безродные»; «в какой стране правильней жизнь — в Москве или в России»; и выяснение — что же главное... уж не кислород ли? Оказывается, что главное — совесть.

На мой взгляд, главное в этом действии — текст, он первичен, даже больше.

«Наступит такое время, когда люди поймут, что в текстах самое главное — это верно

расположенные буквы», — читаем мы в седьмом тексте, написанном осенью. И думается мне, что верно расположенные буквы — это некий «за-смысл», сакральный смысл, который в древности скрывался за словами, недостижимая и непередаваемая словами тайна.

Иван Вырыпаев работает в Варшаве и Москве. Его пьесы активно переводят и ставят в Европе, у нас же «массовым» автора назвать сложно. В России его пьесы ставят, но не в Москве. На первом канале драматург появился только в «Закрытом показе» Гордона. Что ж, это вполне логично. Об авторе почти ничего нет в Сети, даже видео с его спектаклей найти невозможно. Задумалась: куда же пропал автор? Не мог он просто остановиться на нескольких фильмах (Эйфория в 2006 году, Кислород в 2008 и один из четырёх эпизодов в «Коротком замыкании» в 2009). Оказывается, в начале ноября новый фильм Ивана Вырыпаева «Танец Дели» откроет Международный Римский кинофестиваль, а потом поступит в прокат в России.

Нетерпение заставило меня забежать вперёд и прочитать пьесу, чтобы узнать, о чём фильм. Кстати, пьеса ставится и идёт в некоторых театрах. Главное в пьесе снова текст. Все действия за кадром, а в поле нашего зрения комната для посетителей в больнице. Пьеса состоит из семи одноактных пьес, которые самостоятельны, и представляют некие вариации, главной связующей темой которых остаётся танец под названием «Дели». Все герои говорят об этом танце, который Екатерина придумала после того, как побывала в самом аду человеческой жизни — посетила базар в Дели, увидела нищету, грязь, боль, и ощутила всё это, испытала на себе, в порыве приложив к своему сердцу раскалённую кочергу...

«В этом танце, она словно искусный врач превращала боль других людей в красоту и блаженство, а потом отпускала все это на свободу. Она делала других людей свободными от их боли. Она делала так, что боли становилось меньше. Впуская боль внутрь своего сердца, она превращала боль в сияние красоты и покоя. Она уменьшала количество боли на нашей планете. Она не множила боль, как другие, не говорила о ней, не добавляла ее, не боролась с ней, а наоборот, помещала чужую боль в центр своего сердца и там растворяла эту боль в сиянии своего бесконечного сострадания».

Кадр из фильма «Танец Дели»

В каждом акте кто-то умирает, происходит некая игра вариантов жизни: а что если умрёт мама, а что если дочь, а что если... Захватывающе и больно наблюдать за этим «эффектом бабочки», за этим множеством вариаций, которые разворачиваются перед тобой. Несмотря на такое место действия и череду смертей, пьесе можно назвать жизнеутверждающей, потому что она говорит о принятии всего мира, о понимании и осознании своей смерти, сострадании и любви.

«Сострадание — вот мерило честности и подлинного понимания вещей. Тот, кто сострадает, тот не ходит на митинги. Тот, кто по настоящему сострадает, тот не пишет статьи о театре, а занят исполнением своей роли».

После этих слов даже несколько совестно за написанную тут «рецензию». Напоследок скажу, что в разговоре на m24.ru Иван Вырыпаев на вопрос интервьюера: «Почему именно о смерти, неужели мало социально-значимых тем?» ответил, что отношения человека со смертью — это самая важная проблема каждого. И в Польше спектакль «Танец Дели» поставлен в Национальном театре, как подчеркнул режиссёр, это консервативный театр, но билеты распроданы все до одного. И не оттого, что спектакль хороший, а потому что людям хочется знать ответы на важные вопросы. И если в «Кислороде» было много обращено к внешнему — религиям, социальным порокам, то теперь всё сосредоточено внутри человеческой души. А один из героев пьесы заявляет:

«Увлечение чужой жизнью — это и есть духовная слепота».

Когда устаёшь от внешних событий, то каждому хочется знать ответы на самые главные вопросы своей жизни: о любви, о смерти, о танце длиной в жизнь.

«Я — танцовщик, Я — танец, Я — конец танца».